

**ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ТАТАРСКОГО
СОСЛОВИЯ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ
(КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Д.М. Исхаков

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Российская Федерация*

*Редакция журнала «Туган җир. Родной край»
Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

Цель исследования: несмотря на издание значительного числа трудов по истории Казанского ханства, в том числе и с переосмыслением старых подходов к изучению феодального сословия этого государства, напрямую связанного с золотоордынскими татарами, проблема становления и развития данной государствообразующей страты, восходившей в Казанском юрте к татарам Булгарского вилайета Улуса Джучи, еще далека от окончательного решения. В данном исследовании мы сосредоточились на анализе всего комплекса вопросов, связанных с формированием татарского слоя государства, контролировавшего его, а еще и на том, как в Казанском ханстве, так и в его политическом предшественнике в лице Булгарского вилайета, правящее сословие было выстроено на клановых основаниях, а сама система власти базировалась на институте карача-беков. Система карача-беков, изначально опиравшаяся на 4 ведущие кланы, существовала как Булгарском вилайете, так и Казанском ханстве, хотя состав правящих кланов в них различался. Но для того, чтобы раскрыть особенности кланового состава этих двух политий, был проведен детальный – насколько позволяют источники – анализ всей совокупности информации относительно присутствовавших там кланов. Кроме того выяснялся и вопрос о соотношении у татар Казанского ханства кочевого и оседлого хозяйства.

Материалы исследования: в работе были использованы данные русских летописей, татарский источник «Дафтар-и Чингиз-наме», труды Утемиша-хаджи, Абдулгаффара Кырыми, Кадыр Али-бека, материалы дипломатических переписок XVI в., эпиграфические материалы и исторические предания, генеалогические данные, связанные со знатными татарами.

Результаты и научная новизна исследования: проведенное исследование показало, что Казанское ханство не унаследовало прежний клановый состав татарского населения времен Булгарского вилайета, он был иной, характерный для правого крыла Золотой Орды и позже Большеордынско-Крымской политики. Кроме того, изучение вопросов, имеющих отношение к становлению татарской страты (сословия) Казанского ханства, позволило сформулировать гипотезу о том, что она частично продолжала вести кочевой образ жизни весь период существования этого юрта, находясь в сложном взаимодействии с татарами Ногайской Орды, что позволяет по новому взглянуть в целом на вопрос формирования этнической общности «казанских татар», включая и такой его аспект, как территориальные ее границы.

© Исхаков Д.М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), Булгарский вилайет, Казанский вилайет, Казанское ханство, татарское сословие, клановая структура, система 4-х карача-беков

Для цитирования: Исхаков Д.М. Проблема становления татарского сословия в Казанском ханстве (конкретно-исторические и теоретические аспекты) // Золотоординское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 843–862. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.843-862 EDN: OQZSRS

THE FORMATION PROBLEM OF THE TATAR CLASS IN THE KAZAN KHANATE (SPECIFIC HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS)

D.M. Iskhakov

*Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation*

*Editorial board of the Journal "Tugan Jir. Native Land"
Kazan, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the study:* Despite the publication of a significant number of works on the history of the Kazan Khanate, including the rethinking of old approaches to the study of the feudal class of this state, directly related to the Golden Horde Tatars, the problem of the formation and development of this state-forming stratum, which ascended in the Kazan yurt to the Tatars of Bulgar Vilayet Ulus Jochi, is still far from a final consensus. In this study, we focused on the analysis of the entire complex of issues related to the formation of the Tatar layer of the state that controlled it, and also on how both in the Kazan Khanate and in its political predecessor in the person of the Bulgar Vilayet, the ruling class was built on a clan basis. The system of power itself was based on the institution of Karacha-beks. The system of Karacha-beks, originally based on 4 leading clans, existed both in the Bulgar vilayet and in the Kazan Khanate, although the composition of the ruling clans in them differed. But in order to reveal the peculiarities of the clan composition of these two polities, a detailed – as far as the sources allow – analysis of the totality of information regarding the clans present there was carried out. In addition, the question of the ratio of nomadic and settled economy among the Tatars of the Kazan Khanate was also clarified.

Research materials: the data of Russian chronicles, the Tatar source "Daftar-i Chingiz-name", the works of Utemish-hadzhi, Abdulgaffar Kyrimi, Kadyr Ali-bek, materials of diplomatic correspondence of the 16th century, epigraphic materials, historical legends, and genealogical data were used in the work, associated with noble Tatars.

Results and novelty of the study: The study showed that the Kazan Khanate did not inherit the former clan composition of the Tatar population of the time of the Bulgar vilayet, it was different, characteristic of the right wing of the Golden Horde and later the Greater Horde-Crimean polity. In addition, research of issues related to the formation of the Tatar stratum (estate) of the Kazan Khanate made it possible to formulate a hypothesis that it partially continued to lead a nomadic lifestyle throughout the entire period of the existence of this yurt, being in a complex interaction with the Tatars of the Nogai Horde. That allows us to take a new look in general at the question of the formation of the ethnic community of the "Kazan Tatars", including such aspects as its territorial borders.

Keywords: Golden Horde (Ulus Jochi), Bulgar vilayet, Kazan vilayet, Kazan khanate, Tatar class, clan structure, system of four Karacha-beks

For citation: Iskhakov D.M. The formation problem of the Tatar class in the Kazan Khanate (specific historical and theoretical aspects). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 843–862. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.843-862 (In Russian)

Татары в Булгарском вилайете в XIV – начале XV вв.

Несмотря на то, что административно-территориальные границы Булгарского вилайета (улуса) Золотой Орды в XIV – начале XV вв., как и XIII в., остаются до конца не проясненными – а они с течением времени могли и меняться – довольно уверенно можно утверждать, что Казанское ханство возникло на основе данного владения, чей столичный центр вначале находился в г. Булгаре, затем, после нашествия Тимура в 1391 и 1395 годах, переместившись (скорее всего, около 1410/1411 г.) в Старую Казань (*Иске Казан*), в начальный период именованную и как «Новый Булгар» / «*Болгар эл-жэдит*» [11].

Из-за того, что в Улусе Джучи Булгарский вилайет относился к ханскому домену [16, с. 128, 133–134], было бы вполне уместно ожидать там присутствия представителей государствообразующего в Золотой Орде «татарского» сословия и до появления в пределах этого владения в конце 1430-х годов хана Улуг Мухаммада со своими людьми. Действительно, факт нахождения татар в Булгарском вилайете еще до прихода туда группы во главе с ханом Улуг Мухаммадом в исторической литературе признается [5, с. 190, 450]. Однако источников, подтверждающих это, даже для XIV – начала XV вв., не так много, в основном о нахождении татар на данной территории пишут русские летописи, причем лишь с эпохи «Великой замятни». Чтобы иметь общее представление о том, каким материалом мы можем оперировать для этого периода, вкратце рассмотрим известия русских летописей о населении Булгарского вилайета.

Согласно «Рогожской летописи», описывающей действия новгородских ушкуйников в 1360 г. по р. Каме, когда те захватили «град бесерменской ... Жюкомен[ь]» (подразумевается Жукотин – Д.И.), за подобные действия «погании бесермена прогневались» [24, с. 69]. Так применительно к населению Булгарского вилайета начинает использоваться термин «бесермены», под которым может подразумеваться исповедание ислама, особенно, с определением «поганные». Однако, этноконфессиональная ситуация в данном ареале была более сложной, что обнаруживается в последующих летописных сообщениях. Скажем, по «Типографской летописи» видно, что двигавшиеся по Волге новгородские ушкуйники, не так далеко от района Нижнего Новгорода, но перед тем, как доплыть до г. Булгара, «избиша ... множество Татаръ и Бесермень и Ормень» [26, с. 124]. Имея в виду, что в данном случае скорее всего речь идет о прибрежных территориях вдоль Волги, можно полагать, тут подразумеваются земли Булгарского вилайета. Далее, из «Рогожской летописи» мы обнаруживаем, что в 1361 г., в условиях «Великой замятни», «князь ордынский» по имени Булат-Темир, занял г. Булгар, а в 1367 г. он, по-видимому, действуя оттуда, появился на территории Нижегородского княжества с «ратью Татарскою», но потерпев поражение бежал за р. Пьяну и затем ушел «в Орду», где был убит по распоряжению золотоордынского хана Азиза [24, с. 70, 85]. Хотя из этого сообщения не вполне ясно, какая конкретно территория имеется в виду под «Ордой» – земли Булгарского вилайета из-за их вхождения в ханский домен тоже могли быть отнесены к ней – приведенное сообщение может свидетельствовать в пользу присутствия в указанном владении «татарской рати», возглавлявшийся находившемся с 1361 г. в г. Булгаре

«ордынским князем», по поводу клановой принадлежности которого позже мы еще выдвинем одну гипотезу, которая будет свидетельствовать в пользу нахождения Булат-Темира именно в рассматриваемом владении.

Население Булгарского вилайета и в дальнейшем в русских летописях продолжает маркироваться двояко, как «татары» и «бесермены». Например, в 1375 г. новгородские ушкуйники, действовавшие в районе г.Костромы, когда они поплыли «на низь к Новгороду Нижнему и тамо много ... зла сътвориша, Бесермень исьсекоша» [27, с. 191]. Затем, при походе русских войск в 1376 г. на Булгары, выступившие оттуда против них войска в «Рогожской летописи» и «Типографской летописи» поименованы «погании Бесерменове» [24, с. 116; 21, с. 401]. Но вышедшие навстречу наступавшей русской рати войска защитников г. Булгара оказались своеобразными – часть их «выехаша на вельблоудехь» [24, с. 116; 21, с. 401]. Хотя группа на верблюдах выезжала для того, чтобы напугать коней русских всадников, этот пример показывает наличие в составе обороняющих г. Булгар приверженцев кочевой традиции, умевших обращаться с верблюдами. Такое умение вряд ли было характерно для оседлых жителей этой территории, стало быть мы тут видим проявление иной этнокультурной традиции, характерной для татар-золотоордынцев. Получается, что несмотря на общую маркировку жителей Булгарского вилайета как «бесермен», то есть, мусульман, состав населения этого владения не был этнически однородным. И действительно, из летописных сообщений, освещающих более поздние события, происходившие на территории данного владения, мы об этом можем узнать достаточно конкретно.

Скажем, при описании похода московских войск в 1399 г. против Булгарского вилайета, когда они достигли успеха, в «Типографской летописи» есть следующие строки: «...град Болгары, Жукотин, Казань, Керменьчук и всю землю их повоеваша, и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша» [26, с. 167; 21, с. 453]. Из приведенного летописного сообщения отчетливо видно, что «бесермены» и «татары» являлись двумя самостоятельными группами населения данного владения, бывшего частью «земли татарской», то есть Золотой Орды. Такого рода характеристики населения Булгарского (Казанского) вилайета накануне прихода туда хана Улуг Мухаммада в русских летописях есть еще. В частности, обращают на себя внимание сообщения отдельных летописей («Уваровская летопись. Летописный свод 1518 г.», «Никоновская летопись»), рассказывающих о рати правителей Булгарского / Казанского владения на Галич и Кострому зимой 1428–1429 гг., когда в этих войсках фигурируют «татары и бесермень» [27, с. 248; 23, Т. XII. с. 8]. В связи с тем, что во главе указанного войска находились не названный по имени царевич, то есть, султан, и «князь Али баба» – а это на самом деле «казанский вотчич» Али-бек/Али-бей, приведенное известие однозначно относится к Казанскому вилайету, где фигурируют уже знакомые нам две группы населения.

Исходя из летописного сообщения 1428–1429 гг., в котором в войсках Казанского вилайета указано на присутствие «царевича», в условиях даже распадавшейся Золотой Орды могущего быть только султаном – Чингизидом, отметим и другие более ранние случаи упоминания применительно к данному владению «царевичей». Так например, согласно сообщению «Рогожской летописи», рассказывающей о захвате в июле 1410 г. сторонниками Нижегородского князя Данила Борисовича г. Владимира, в составе его войск отмечается царевич Талыч со 150 или 1500 воинов-татар [28, с. 97, 266]. Когда в ответ на эти действия зимой 1410–1411 гг. состоялся поход московских войск, в числе войск Нижегородского княжества отмечается присутствие «Болгарских князей, и Жукотинских и Мордовских» [24, с. 485].

Но вот в описании того же события в «Никоновской летописи», после упоминания союзников Нижегородского княжества в лице «Болгарских князи и Жукотинских», сделано следующее весьма примечательное заключение: «...сташа (после победы над противником – Д.И.) же на костехъ князи Новгородские Нижнего Новгорода и князи Казанстии» [23, т. XI, с. 215]. В итоге получается, что в описанных событиях были задействованы военные силы Казанского вилайета, следовательно и царевич Талыч с воинами-татарами был оттуда же.

Как известно, накануне названных событий, в 1408 г., происходил поход Идегея на Москву. Тогда в направлении Нижнего Новгорода действовал отдельный ордынский отряд во главе с названным царевичем. Отряд состоял из «многих Татар», а также «Болгарской силы» и «Мордвы». Этой группой были захвачены Нижний Новгород и Городец, а далее планировалось идти на Кострому и Вологду, но внезапно пришла «весть» от Идегея с повелением срочно возвращаться в «Орду» [24, с. 484]. Принимая во внимание, что действия указанного выше отряда имели отношение к получению князем Данилом Борисовичем ярлыка на Нижегородское княжение [3, с. 153], царевичем, стоявшем во главе ордынского отряда, мог быть уже знакомый нам султан Талыч, хотя А.А. Горский, разбиравший рассматриваемый эпизод, склонялся к мнению, что им был царевич Ентяк (Ектяк), «управлявший Волжской Булгарией» [3, с. 153]. Действительно, этого султана тоже нельзя сбрасывать со счета, так как он фигурирует уже в событиях 1398-1399 гг., связанных с тем же Нижегородским княжеством, когда князь Семен Дмитриевич приходил под Нижний Новгород с войсками, в составе которых присутствовал царевич Ентяк с отрядом в 1000 татар. После безуспешного наступления этот отряд, по «Никоновской летописи», «возвратишася во свою землю въ Казань». Именно в ответ на этот поход и состоялся уже отмечавшийся рейд московских войск «на Казань», закончившийся взятием «Болгар, Жукотина, Казани и Керменчюха, и иных много городов» [23, т. XI, с. 164; 21, с. 453]. Поэтому и в данном случае налицо присутствие султана и подчиненного ему отряда из «татар», в Булгарском вилайете, находившемся на стадии превращения в Казанский вилайет.

Но присутствие в этом владении царевичей (султанов) было характерно не только для конца XIV – первых десятилетий XV вв., но и для более раннего времени. Речь идет о содержании русских летописных известий за 1370 и 1376 гг., связанных с Булгарским вилайетом, когда там обнаруживается Махмет султан сын Бака (обзор этих сообщений с их интерпретацией, см.: [11, с. 30–31]). В данном случае это важно, так как с султанами обычно находились и татары-воины.

Именно вследствие этого следует обратить внимание на такой татарский исторический источник конца XVII в., как «Дафтар-и Чингиз-наме», являющийся собранием народных преданий и дастанов. Кроме других материалов там имеются легендарные данные о периоде походов Тимура на Золотую Орду, в том числе на земли Булгарского вилайета. Этот источник нами ранее уже был тщательно проанализирован [10, 7, 11], поэтому ниже приведем лишь некоторые наши общие выводы, имеющие отношение к обнаружению в данном владении социально-политической структуры его населения, имеющей прямое отношение к золотоордынским татарам с клановым делением.

В «Дафтар-и Чингиз-наме» в рассказе о приходе Аксак Тимура на территорию Булгарского вилайета – другие исторические источники об этом молчат – говорится о том, что тогда там находились 124 «великих/старших беков» (*олуг бик*), из которых четверо являлись не просто беками, а «знатными шахзаде» (*асыл шахзадэлэр*) [4, б. 60]. Нами была высказана гипотеза о том, что эта четверка (их

имена: Икбали, Кол-Гали, Хаши и Миркаши) со стороны матерей могла принадлежать к «Алтын уруку», являясь одновременно карачабеками и лидерами ведущих татарских кланов. Они, кстати, могли контролировать четыре основные городские центра Булгарского вилайета (Булгар, Джукетау, Иске Казан/Казань, Кирменчук), известные в конце XIV в. Более того, это четырехчастное деление во главе с карачабеками могло отражать и крыльевое деление, существовавшее в данном владении. Об этом, по нашему мнению, говорят материалы по «Перекопской Орде» периода интронизации Хаджи-Гирея в Крыму в 1443 г., когда его привезли и посадили на крымский трон представители двух кланов – барынов и ширинов, очевидно, считавшихся старшими. Таким же образом в Булгарском вилайете в начале XV в. обычно фигурируют две группы князей – «Булгарские» и «Джукетауские». Не исключено, что именно беки этих двух административных центров имея в своем подчинении еще по одному более «младшему» клану, могли контролировать разные крылья войск Булгарского вилайета. Проблема в том, какие конкретно кланы тогда в этом владении находились. Прямых данных на этот счет в источниках не сохранилось, поэтому приходится использовать косвенные данные.

При обращении к анализу дастана «Туляк и Сусылу» появляется возможность определения клановой принадлежности одного из четырех «олуг беков» из «Дафтар-и Чингиз-наме». Речь идет о Миркаши-беке, который мог происходить из клана кыйат, фигурируя в дастане «Туляк и Сусылу» в качестве отца главного героя эпоса, Туляка [11, с. 36–37]. В связи с тем, что сам Туляк по дастану имел прямое отношение к хану Абдаллаху (Габдулле), от которого выводились легендарные правители Булгарского/Казанского вилайета, включая «казанского вотчича» Али/Гали бея, все «Булгарско/Казанские князья» могли принадлежать к этому же, некогда «царственному» клану Монгольской империи.

При детальном разборе в Булгарском вилайете обнаруживаются следы и других татарских кланов. Так, уже говорилось об «ордынском князе» Булат-Темире. Хотя имя его отца ранее на монетах читалось как «Нуган», сейчас считается, что его звали «Токла бий» [5, с. 461]. В этом случае, более чем вероятно, мы имеем дело с Товлу/Тоглу бием из клана канглы [16, с. 150], являвшемся темником и стоявшем во главе клановых войск как «ордынский князь». Так как Булат-Темир именовался этим же титулом, то он тоже, скорее всего, являлся вождем этого же клана с аналогичным статусом. Другой, заслуживающий внимания материал содержится в татарском дастане «Амет, сын Гайсы». Анализ его содержания позволяет сделать вывод о том, что главный его герой – Амет-бий, согласно дастану являвшийся еще и зятем хана Джанибека (1342–1357), некоторое время скрывался где-то на территории Поволжья, судя по всему, в Булгарском вилайете, точнее, в районе его восточной зоны. Теперь известно, что он принадлежал к сильному клану уйшын [11, с. 47]. Затем наше внимание привлекла династийная хроника среднеазиатских кунгратов. Там содержится указание на то, что прежде чем оказаться в районе Хорезма, их предводитель Акхадай-бахадур при хане Узбеке (1312–1342) правил «странами Булгар, Черкес и Казан» [41, pp. 366–367]. Имея в виду активную роль кунгратов в Золотой Орде еще в начальный период правления там хана Улуг Мухаммада, сообщение вышеназванной династийной хроники следует принять во внимание, тем более, что оно перекликается с некоторыми поздними татарскими источниками. Речь идет о персоязычном сочинении «Хикайат» XVIII в. из Поволжья, указывающем на проживание в районе впадения р. Демы в Белую, в местности «Торатау» (сейчас эта территория г. Уфы) некоего «кунгратского хана», находившегося в «крепости Кунграт» [2, с. 697]. Так как эта зона входила в состав Казанского ханства [12, с. 7], а ранее она, несомненно, относилась к Булгарскому вилай-

ету [11, с. 48–49], приведенные сведения могут подтвердить присутствие в этом владении клана кунграт в XIV в., возможно, и несколько позже. Наконец, имеются генеалогические данные, указывающие на пребывание в районе Билярского городища, а также в других ареалах северо-западного Приуралья, клана буркут, находившегося там еще в составе подчиненных Шибану в период завоевания Волжской Булгарии в 1236 г., войск [11, с. 45–46].

Важно иметь в виду, что в момент захвата территории этого государства у Шибана имелись войска из клановых подразделений кыйат, кунграт, буркут и тумэн. В случае с последним кланом следует отметить, что его наименование в виде эпонима фигурирует в генеалогии группы табын (вначале она находилась в составе сибирских татар, затем вошла в состав башкир и татар), чьим предком считался Майкы-бий из племени уйшын [11, с. 50–52]. Принимая во внимание эти и другие данные, нами ранее была высказана гипотеза о том, что сам Шибан, возможно и его потомки, владели восточной частью бывшего Булгарского государства – от г. Биляра и далее в Приуралье [17]. Не исключено, что нахождение Шибанидов в Казанском ханстве в конце XV в., могло быть связано с историческим правом этого рода на данную территорию. Тогда не было случайностью и нахождение указанных татарских кланов в Булгарском вилайете в XIV – начале XV вв.

Таким образом, золотоордынские «татары», то есть, представители государствообразующего сословия Золотой Орды, на территории Булгарского вилайета присутствовали со времени завоевания Волжской Булгарии. О том, что «татары» тут действительно имелись, свидетельствуют не только русские летописи, но и эпиграфический материал из Булгара. Последний содержит упоминания о султанах, эмирах, беках, хатунах, бике, а также о военно-служилой знати в лице «йори» (это скорее всего чура) [5, с. 456]. На отдельных эпиграфических памятниках с этой территории есть упоминание (надгробие за 720 г.х./1320 г.), что памятник поставлен «у гробницы эмира великого» по имени Ахмед хаджи сына Муфамика внука Му Хусейна Насара Булгарского [40, с. 1355–1356]. Термин «эмир великий» тут скорее всего соответствует более позднему золотоордынскому «ордынскому князю» и татарскому «улу бею», а «насар Булгарский» надо понимать как «контролер, руководитель» Булгарского вилайета.

Несмотря на наличие в Булгарском вилайете «татар», старое население Волжской Булгарии продолжало сохраняться, превратившись со времени завоевания в зависимое, «черное» сословие. Оно то и именовалось в русских летописях, как можно думать, «бессерменами» [34], в особенности тогда, когда наряду с этой группой на территории Булгарского Вилайета упоминались и «татары», тоже являвшиеся особой этносословной общностью. Пришедшая с Улуг Мухаммадом новая группа золотоордынских татар, первоначально бывшая относительно немногочисленной, явно включилась в уже существовавшую ранее социально-политическую структуру Булгарского вилайета.

Татары в Казанском ханстве: формирование верхней сословной страты общества и ее клановая структура

Приход группы татар во главе с ханом Улуг Мухаммадом на территорию Казанского вилайета возможно было в некотором роде случайным событием. Во всяком случае, Утемиш-хаджи сообщает, что «вилаят Казань» был захвачен ордынскими выходцами во главе с Улуг Мухаммадом у «Албай Алтун бая» какой-то «хитростью» [38, с. 80, 155]. Это же известие есть и у Абдулгаффара Кырыми, но с важным уточнением, что хан «пошел на Казань и с хитростью захватил Казань у Алтуной султана из рода Шибана» [19, с. 84]. В итоге выясняется, что «Алтун бай»

Утемиша-хаджи – это султан «Алтунай» из Шибанидов, а вот его «Албай» явно соответствует убитому в 1445 г. «казанскому вотчичу» Али/Гали (по «Воскресной летописи – «Либей») – бео, скорее всего являвшемся «Булгарским/Казанским князем», находившемся при Шибаниде Алтунай-султани [11, с. 61]. Дополнительным доказательством сказанному является появление в переписке Ивана IV с ногайским мурзой Урусом (1576 г.) выражения «...и Алибаев, и Алтынб[ае]в [юрт] и Болгарской» [20, с. 47]. Разбиравший это место документа В.В. Трепавлов заключил, что оно является «обозначением части Казанского ханства посредством имен первых правителей местного удела», добавив, что их надо увязывать с легендарным правителем Булгарского вилайета ханом Абдуллою/Габдуллою [20, с. 82]. Но пришедшие с ханом Улуг Мухаммадом и затем ставшие в Казанском ханстве правящим сословием золотоордынские татары стали практически последним слагаемым местного татарского сообщества, как мы видели, существовавшего на этой территории задолго до событий 1430-х годов.

К сожалению, мы не имеем источников, описывающих взаимодействие прежних и новых групп татар. Вообще-то оно не могло быть простым, особенно при различных клановых структурах «старых» и «новых» татар. Правда, можно допустить, что какие-то прежние клановые группы могли просто уйти в другие регионы. На это, например, наталкивает старинная поволжско-татарская легенда, рассказывающая о переселении населения из Булгара в Иске Казань. В ней по ходу рассказа сообщается об уходе в дальнейшем из Иске Казани Галим-бека (в других версиях это Алтын-бек, что более точно) из-за «нелюбви» к названному центру, в «Тобол-Туру» [15, б. 58]. Несмотря на то, что в этой легенде личности двух «сыновей» хана Абдуллы (Габдуллы) путаются, сам факт ухода части татар Казанского вилайета во главе с Шибанидом Алтунаем (так звали на самом деле легендарного Алтын-бека) в Сибирь после прихода Улуг Мухаммада, был вполне возможен. Тем более, что имеется еще одно такого же рода известие, приводимое без хронологической привязки в уже отмечавшемся персоязычном «Хикайяте». Там оно возникает по ходу рассказа о кунгратском хане по имени Тура (Тюра), когда жители отмеченной выше «крепости Кункират» во главе со своим ханом уходят в «Ургенч», где основывают одноименную крепость «Кункират» [2, с. 697]. Так как кунграты в какой-то период своей истории явно находились на территории Булгарского вилайета (см. выше), это сообщение заслуживает внимания, хотя конечно оно может иметь отношение и к другому периоду (разбор сообщения см.: [11, с. 48–49]). Но у Утемиша-хаджи есть один рассказ, который может подкрепить сказанное выше. Он пишет, что после смерти Идегея его сыновья разбрелись по разным направлениям, а двое – Кейкуват и Нуретдин, «сбежали в сторону Туры и направились в эль башкурт» [38, с. 72]. Это известие имеется и у Абдулгаффара Кырыми, но он немного по другому формулирует эту мысль: «После сражения Кейкубад и Нуретдин отправились в вилайет Тура и оказались среди народа башкурдов» [19, с. 78]. Хотя обычно «вилайет Тура» предпочитают связывать с сибирским владением с центром в г. Чимги-Тура [36, с. 58–59], смущает подчеркивание ухода вышеназванных двух сыновей Идегея в «эль башкурт», когда они оказались в конечном счете «среди народа башкурдов». Конечно, можно было бы думать, что выражение «в сторону Туры» Утемиша-хаджи или «в вилайет Тура» Абдулгаффара Кырыми, указывали лишь на общее направление бегства сыновей Идегея из Поволжья в сторону Сибири. Но два момента не позволяют сделать такое заключение. Во-первых, в рассказе Утемиша-хаджи о Хаджи-Мухаммед-хане, основателе Тюменского ханства, есть указание на то, что он «собрал Башкурт, Алатырь, Мокши и захватил в стороне Шехр-и Болгара... Шахр-и Тура знаменитые владения мангытов...» [38, с. 83]. Тут создается

впечатление, что местность «Шахр-и Тура» находилась где-то в направлении (или по соседству) Булгара. Некоторые авторы полагают, что в данном случае подразумевается лишь политическая связь нескольких владений, находившихся в руках Шибанидов [36, с. 59]. Однако, возможно и другое объяснение приведенных мест из источников. Дело в том, что в приведенном сообщении из «Хикайята» возникает впечатление, что под сидевшем в «крепости Кункират» хане по имени «Тура/Тюра» надо видеть некоего династа из Шибанидов, жившего в Приуралье, в «вилайете Тура». Разбиравший исторические предания башкир о жившем на месте современного г. Уфы «Тюра/Тура-хане» Ж.М. Сабитов также оставляет место для какой-то не вполне ясной связи легендарной личности, по имени которого мог быть назван «вилайет Тура», с Приуральем [30]. Хотя нельзя исключить того, что под «туринскими ханами», «Туринским вилайетом» подразумевались какие-то смежные, но подчиненные Шибанидам, владения в Приуральско-Западно-Сибирской зоне. Из «Хикайята» вытекает, что центр данного владения скорее всего находился в районе современного г. Уфы. В результате сообщение «Хикайята» о возможном уходе кунгратов из Южного Приуралья в Среднюю Азию приобретает дополнительную историчность. То, что подобный уход мог быть связан с обособлением в Казанском вилайете группы во главе с ханом Улуг Мухаммадом, вытекает в том числе и из того, что этот хан как раз лишился золотоордынского трона из-за предательства главы кунгратов Айдар (Хайдар)-бека, стоявшего во главе многочисленного (их было 3 тумена) эля кунгратов [38, с. 80; 19, с. 84]. Уход прежних групп золотоордынских татар из Булгарского/Казанского вилайета в связи с приходом группы во главе с Улуг Мухаммадом был облегчен тем, что они еще скорее всего в своей массе являлись кочевниками.

Но внедрение пришедших с ханом Улуг Мухаммадом золотоордынских татар в Казанский вилайет вряд ли привело к изменению социально-политической структуры данного владения. Действительно, согласно «Софийской II летописи», «Московскому летописному своду конца XV века» [22, с. 167; 27, с. 282], а также более поздней «Никоновской летописи» [23, т. 12, с. 122], описывающих поход русских войск на Казань в 1469 г., жители посада этого города названы как «бесермени и Татары», то есть, в государстве сохранились две прежние социальные страты. Однако, клановый состав собственно татар явно изменился, ибо вместе с ханом Улу-Мухаммедом сюда пришли новые кланы, на которых и сосредоточим наше внимание.

Из русских летописей видно, что первоначально с этим ханом находилось не так много воинов – их было 3 – 3,5 тыс. человек [12, с. 74]. Не случайно в «Никоновской летописи» при описании Белевской битвы 1437 г., сказано: «...а царю (хану Улуг Мухаммаду – Д.И.) вmale тогда сушу» [23, т. 12, с. 24]. Но в дальнейшем, надо признать, ситуация могла измениться, на это намекают некоторые летописные сообщения. Так, в «Московском летописном своде конца XV в.», а также в «Никоновской летописи» в известиях за 1447 г., говорится: «...царь Казанский Махмутекъ посла князей своих со *многую силою* (выделено нами – Д.И.) воевати отчину великого князя» [27, с. 210; 23, т. 12, с. 73]. А в «Казанском летописце» есть такой пассаж: «...И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран, от Золотья Орды и от Астрахани, от Азуева, и от Крыма» [25, с. 19]. Хотя к последнему, позднему по времени написания, источнику надо относиться критически, есть другие данные, подтверждающие возможность постепенного увеличения численности татар в Казанском ханстве. Скажем, когда московский великий князь Василий II 7 июля 1445 г. сразился с имевшими 1,5 тыс. войско сыновьями Улуг Мухаммада под Суздалем, татары одержали победу,

возможно, все-же имея «превосходящие силы» [1, с. 63]. 25 августа того же года когда хан Улуг Мухаммад из Нижнего Новгорода (Старого) двинулся к Курмышу, про его группу уже сказано: «...з детми своими и съ всею Ордою своею» [23, т. 12, с. 66]. Здесь надо обратить внимание на термин «Орда», использованный летописью применительно к объединению во главе с ханом Улуг Мухаммадом – такое наименование обозначает государственноорганизованную политику, а не просто бродячую группу беглых татар.

Безусловно, вместе с Улуг Мухаммадом в Казанский вилайет прибыли представители его личных кланов, так называемые «каучины», во главе со своими беками, являвшимися одновременно воеводами и именовавшимися «даражными князьями» или карача-беками. Так как данная тема нами уже достаточно детально исследовалась в другой работе [12], ниже остановимся лишь на тех ее аспектах, которые на основе новых источников могут быть уточнены и дополнены. В первую очередь в данном случае нас будет интересовать вопрос о конкретных кланах, которые прибыли с Улуг Мухаммадом в Казанский вилайет.

Можно считать уже установленным, что социально-политическое устройство Орды Улуг Мухаммада, а затем его сына Махмутека, ставшего первым независимым казанским ханом, основывалось на так называемой системе четырех карача-беков. Наиболее раннюю информацию на этот счет можно обнаружить в русских летописях, которые под 1437 г. в группе Улуг Мухаммада отмечают двоих «дараг-князей» (это Усеин Сараев и Усень-Хозя) [23, т.12, с. 24]. Эти князья и были карача-беками. На самом деле таких князей было четверо и особый, «четвертной» характер структуры владетельных «Казанских князей», достаточно ясно проглядывает из русских летописей и других источников. В частности, при описании взятия Шибанидом ханом Мамуком г. Казани в 1496 г. при помощи ногайских войск, в руках хана, согласно ряду русских летописей (Софийской II, Типографской, Львовской), восходящих к концу XIV, XV – началу XVI вв.) [22, с. 347; 26, с. 242; 29, с. 471] оказались именно четверо «князей Казанских» (их имена: Калимет, Урак, Садыр и Агиш). Эта информация содержится и в более поздней «Никоновской летописи» [23, т. 12, с. 243]. Названные «князи Казанские» и являлись в Казанском ханстве карача-беками [22, с. 358; 29, с. 478; 23, т. 12, с. 250]. Другое подтверждение сказанному: именно «князи Казанские», не поладив с Шибанидом Мамуком, от него ушли и отправили в Москву своего посланца Бараш сейида с просьбой прислать вместо ставшего им не угодным Мухаммед-Амина, другого хана. А когда тот был прислан и его «посадиша на царство», последовала акция приведения «к шерти ... всех князей Казанскихъ, и уланов и земскихъ людеи по их вере» [22, с. 347; 26, с. 243; 29, с. 472]. Посаждение очередного хана на престол, потом принесение присяги на верность со «всею землею», было как раз делом карачабеков. Еще одним аргументом, подтверждающим данное заключение, является нахождение в войсках во главе с Шибанидом султаном Агалаком, в 1499 г. наступавшем на Казань, названного Урака, определенного в «Львовской летописи» и «Никоновской летописи» как «князь Казанских князей» [29, с. 478; 23, т. 12, с. 250], то есть он являлся беклярибеком, по неизвестной причине (скорее всего, присягнув на верность хану Мамуку) вынужденно покинувшем пределы Казанского ханства после смены там хана. Далее будет приведен еще один аргумент, согласно которому уже в 1487 г. в Казанском ханстве был карача-бек из клана ширин – а это одно из важных звеньев системы карача-беков данного юрта. Существование в этом татарском юрте именно четырех карача-беков вытекает и из договора бывшего казанского хана Абдыл-Латыфа/Абдул-Латыфа за 1508 г., в котором обговорены особые права татар

«Ширинова роду и Барынова и Аргынова и Кипчакова» [32, с. 51]. Тут подразумевается укорененность указанных четырех кланов прежде всего в Казанском ханстве, но они же были правящими родами в Крымском и Касимовском ханствах, куда могли выехать беспрепятственно. Хотя в последнем юрте к 1600 г. свои прежние позиции сумели сохранить лишь представители кланов аргын и кыпчак [18, с. 170], прежде там имелись и Ширины, более того, из них скорее всего были белярибеки [12, с. 190, 205]. На самом деле эта система из четырех правящих кланов (ширин, барын, аргын, кыпчак) в Казанском ханстве являлась всего лишь «клоном» аналогичной системы Крымского юрта (еще ранее – нерасчлененного еще окончательно Крымско-Большеордынского владения) времени правления там хана Улуг Мухаммада (детальнее см.: [12]).

С течением времени эта система четырех правящих родов в Казанском ханстве была модифицирована за счет появления в ее структуре пятого клана мангыт, что скорее всего произошло по мере усиления Ногайской Орды ближе к концу XV в. Впрочем, то же самое произошло и в Крымском, затем и в Касимовском ханствах. И тут надо отметить, что еще одним доказательством существования в Казанском ханстве системы четырех (затем пяти) карача-беков, является фиксация на территории Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII вв. так называемых «дорог»: Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской, являвшихся в период ханства административно-территориальными образованиями, контролировавшимися карача-беками, прежними «дараг-князьями». Наименование «Ногайской дороги» прямо свидетельствует о контроле над этой территорией мангытских князей. В целом на сегодня уже достаточно надежно установлена принадлежность Арской дороги клану кыпчак, Галицкой (возможно, с Алатской дорогой вместе) – к клану аргын [12].

Теперь следует сосредоточиться на доказательстве изначального, со времени основания Казанского ханства, присутствия «старинных», на деле «нукерских» кланов, доставшихся хану Улуг Мухаммаду в наследство еще со времен Токтамыша.

Выше была отмечена личность одного из «дараг-князей» хана Улуг Мухаммада по имени Усеин Сараев. Нами уже высказывалось мнение о том, что князь из Казанского ханства Шаптак Сараевич, фигурирующий в переписке 1455–1456 гг. с московским митрополитом Ионой, являлся сыном Усеина Сараева [12, с. 15]. В последнее время Р.А. Беспалов попытался отождествить князя Усеина Сараева с постельником Улуг Мухаммада, «братаничем», то есть, племянником, «князя великого ордынского» Тегини из клана ширин [1, с. 58; 27, с. 249]. Думается, что это – ошибка, так как одним из наиболее известных в окружении хана Улуг Мухаммада знатных лиц являлся князь Сарай из клана барын. Именно он фигурирует в качестве одного из двух главных (второй – Айдар-бек из клана кунграт) предводителей войск хана Джелалетдина б. Токтамыша [38, с. 64–65; 19, с. 77–78]. Принимая во внимание, что на крымский престол Хаджи-Гирей был приглашен также по решению «татар барынских и ширинских» [13, с. 19], особая роль клана барын как карача-бейского рода у наследников хана Тохтамыша, в том числе и в Казанском ханстве, не подлежит сомнению. Поэтому можно думать, что барын Усеин-бек из рода Сарай-бека оказался в этом юрте еще в составе пришедшей туда с ханом Улуг Мухаммадом группы. Судя по тому, что его сын (?) Шаптак Сараевич переписывался со знатным москвичом – митрополитом Ионой, статус у него был высокий, явно карача-бейский.

Нахождение представителей клана аргын в составе воинов хана Улуг Мухаммада также документировано достаточно надежно – на той территории Ка-

занского ханства, где они осели (а это земли Галицкой дороги), существуют известные под названием «*Зур Караужа*» и «*Кече Караужа*» села, чьи основатели считались генетически связанными с князем Чурой Нарыковым, хорошо известным из истории Казанского ханства первой половины XVI в. и бывшем беком клана аргын. Между тем, Кара-Ходжа (*Кара-Хужа*) фигурирует в эпосе «Идегей» как бий аргынов, а в «Зафер-наме» он упоминается около 1405 г. как посланник хана Токтамыша к эмиру Тимуру [14, №3, б. 30]. Из этих сведений напрашивается вывод, что Кара-Ходжа-бек, глава аргынов, в конце концов оказался в окружении хана Улуг Мухаммада и вместе с ним переселился в Казанский вилайет, где его именем и были названы указанные выше селения.

Насчет нахождения клана кыпчак в Орде Улуг Мухаммада однозначно свидетельствуют генеалогии «Арских князей», восходящие к родословной Кара-бека (о принадлежности этого рода к клану кыпчак, детальнее см.: [9]). Об их появлении на территории Казанского вилайета с этим ханом говорят два факта. Во-первых, в одной из версий данной родословной рядом с потомком Кара-бека по имени Мирсаит (правнук Кара-бека) стояла приписка, что его родословная линия идет с 867 г.х. (1462–1463 гг.) [12, с. 34]. Во-вторых, и некоторые другие генеалогические звенья «Арских князей» в реальности тоже восходят к середине XV в. [6, с. 98–99].

У нас нет только надежных данных о присутствии у Улуг Мухаммада клана ширин. Но если учесть, что Тегине-бек из племени ширин совместно с Хайдар-беком из клана кунграт являлся инициатором поднятия молодого Улуг Мухаммада на ханский трон, а также то, что затем он являлся одним из воевод этого хана [36, с. 70–71, 76; 19, с. 76, 80], какой-то ширинский князь непременно должен был позже находиться около этого хана. Прямых данных такого рода еще не обнаружено, но есть косвенные свидетельства на этот счет. Наше внимание в связи с этим вопросом привлекла информация, имеющая отношение к «Алегамовым царевым людям», то есть группе знати из Казанского ханства, вынужденной покинуть его пределы после интронизации там в 1487 г. при русской поддержке Мухаммед-Амина, сопровождавшейся уводом хана Ильхама в Московское великое княжество и репрессиями против казанских «князей и уланов», сторонников низложенного хана [23, т. 12, с. 219]. Среди бежавших тогда знатных татар фигурировали Утеш и его сын Бегиш [31, с. 84, 86, 96–97, 130, 131]. Они вначале ушли в Ногайскую Орду, затем оказались (возможно, не все) в Тюменском ханстве. Изучение документов позволило установить, что Бегиш и его сын Утеш являлись по клановой принадлежности Ширинами [32, с. 73]. А в письме крымского хана Менгли-Гирея в Москву от 1509 г., хлопотавшего по просьбе крымских Ширинов об их возвращении в Крым, прямо сказано: «Ширин Бигишевъ сын Утеш ... царев (казанского хана – Д.И.) холоп карачъ былъ» [Там же]. Так обнаруживаются следы клана ширин в Казанском ханстве в 1480-х годах. А это позволяет обратиться к проблеме их более раннего присутствия там. В этой связи нужно приоткрыть к тому самому второму «дараг-князю» Усеин-Ходже, в 1437 г. находившемуся при хане Улуг Мухаммаде. Так вот, как раз его имя весьма напоминает имя постельничьего этого хана (летописная форма «Усеинъ») в сообщении за 1432 г. А он то был племянником бека племени ширин Тегини, заодно являвшемся главой правого крыла Большой Орды, где ханом стал Улуг Мухаммад. Еще одним аргументом в пользу такого предположения может быть уже отмечавшийся крымский пример участия Ширинов, наряду с Барынами, в приглашении Хаджи-Гирея на крымский престол. В данном случае они выступали как «старшие» племени. Не будем забывать, что и в Казанском ханстве в первой половине

XVI в. у Ширинов фиксируется статус беклярибеков [12, с. 68, 77]. И такой статус у них скорее всего шел еще с начального периода образования Казанского ханства. Если это так, то и «князь Казанских князей» – беклярибек Урак мог принадлежать к этому же клану.

Так как Орда Улуг Мухаммада являлась осколком «материнской» Большой Орды, точнее, ее правого крыла, она и основывалась на тех названных четырех кланах, которые занимали там ведущее положение. А кунграты, которые вначале находились около хана Улуг Мухаммада, были, скорее всего, кланом левого крыла. Во главе этих четырех кланов стояли карача-беки, а один бек – в данном случае из рода Ширинов – являлся беклярибеком (князь князей). Вот эта социально-политическая структура, как уже было сказано, и легла в основание Казанского ханства. Позже она была дополнена мангытами. Если другие кланы и оставались на территории этого государства, они уже имели иной, более низкий статус. А правящее сословие Казанского ханства, образовавшее там этносословную страту «татар», состояло из названных ведущих кланов, вместе составлявших основные воинские силы ханства, так сказать, его гвардию, о чем еще ниже скажем отдельно.

Правящее татарское сословие этого ханства весьма ясно предстает из русских летописных сообщений, описывающих некоторые важные события, происходившие в Казанском ханстве в середине XVI в. Вот например в челобитной, отправленной Ивану IV в 1551 г. от «всей Казанской земли» («земля» в данном случае это вилайет, область), говорилось: «Кудайгул улан в головах да Муралей князь и вся земля Казанская и молны и сеиты и шихи и шихзаде и молзаде, имамы, азии, афазы и уланы и мурзы и ички дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары» [23, т. 13, с. 157]. Если из данного летописного сообщения исключить религиозных деятелей и перечень «черного» ясачного населения в лице конкретных этнических общностей, остающиеся группы во главе с Кудайгул уланом (а это Чингизид неправящей семьи) и князем Муралеем (Нургалеем), бывшем беклярибеком из клана Ширин, являлись представителями корпорации «татар», состоявшей из групп уланов, князей и мурз, а также примыкавших к ним казаков (ички – дворцовые и задворные казаки), в последнем случае также являвшихся низкоранговыми сотенными и десятными князьями и стоявшими под их началом рядовыми воинами – татарами. Это и было правящее сословие ханства из собственно татар с клановым делением, происходившее непосредственно от золотоордынских татар. Мусульманское духовенство, несомненно относившееся, особенно в высшем звене, к этому же сословию, могло происходить не только из золотоордынских татар, но этот вопрос нуждается в отдельном изучении.

Численность представителей татарского сословия в ханстве изначально была не очень большой. По нашему мнению, составлявшие ядро армии Казанского ханства клановые войска к середине XVI в. могли насчитывать около 12 тыс. воинов [12, с. 69, 78]. Теперь мы имеем новые данные, позволяющие уточнить численность татар в начальные десятилетия XVI в. Речь идет об обнаруженных и проанализированных В.В. Трепавловым материалах из «Литовской метрики». Там сохранилось обращение из Казани, отправленное 15 августа 1520 г. крымскому хану Мухаммед-Гирею I с просьбой прислать для занятия казанского престола одного из представителей династии Гиреев. В 7-й книге записей «Литовской метрики» сохранился перевод послания Мухаммед-Гирея I польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I с кратким пересказом полученного из Казани документа – обращения казанской знати к крымскому хану. А там

имелась следующая важная для нас информация: «... с Казани добрых кнежат приехало, что всех казанцовъ листь принесли... А мы маемъ отецких детеи двадцать тысяч...» [35, с. 602]. Разобравший это место послания В.В. Трепавлов пришел к выводу, что 20000 «отецких детей» – это «благородные» люди, потомки знатных и славных родов, то есть военно-служилый слой населения Казанского ханства [35 с. 604, 606]. Как было уже показано, он действительно состоял из представителей 4–5 знатных кланов во главе со своими наследственными вождями, восходившими генеологически ко времени Улуг Мухаммада (иногда и дальше). Вот эти «отецкие дети» и образовывали в Казанском ханстве особое татарское сословие, правящий слой государства. По всей видимости, из этих 20 тыс. татар и набирались клановые войска ханства численностью в 12 тыс. чел. годных к воинской службе взрослых воинов-всадников. Кстати, в Крымском ханстве в 1543 г. клановых войск насчитывалось также около 10 тыс. чел., а в XV в. использовалось выражение «Крымский тумен», фактически подразумевающее ту же численность воинов-татар в Крыму [13, с. 41]. Если иметь в виду недорослей мужского пола и женскую половину татарской части населения Казанского ханства, численность всего правящего сословия в этом юрте могла достигать до 150 тыс.чел. (но не более 200 тыс.чел) [8; 13, с. 37].

В данном случае возникает один сложный вопрос, который не только не решен, но в полной мере даже не сформулирован. Речь идет о том, что не все представители татарского сословия – напомним, что во времена хана Улуг Мухаммада это были еще кочевники – в начальный период формирования Казанского ханства могли сразу войти в центральные районы государства, где было значительное число городских поселений и до 700 сельских населенных пунктов [39] и быстро перейти к оседлости. Знать, да, она могла проживать в столице ханства и в даружных центрах вроде крепости Арск (об этом детальнее см.: [6]). Там со своими князьями могли находиться и определенное число «дворных» (ички) казаков. О том, что простые татары-воины находились и в центральных, оседло-земледельческих зонах ханства, свидетельствуют писцовые и переписные книги Казанского уезда второй половины XVI – первых десятилетий XVII вв., отмечающие и не знатных служилых татар. Кроме того, есть информация из «Казанского летописца», описывающего довольно подробно и со знанием деталей момент бегства главы клана аргын Чуры-бека Нарыкова – с ним тогда находились «500 служащих раб его (это видимо чура – воины-нукеры – Д.И.), во оружиях одеянны; всех ратних с нимъ 1000» [25, с. 55]. Так как последняя цифра может отражать и присутствие в отряде князя Чуры Нарыкова воинов других князей (а они там имелись), скорее всего надо ориентироваться на первую цифру, то есть при беке насчитывалось 500 человек воинов из клановых войск аргынов. Однако, в некоторых источниках мы обнаруживаем иные цифры. Так, в казахских версиях дастана о Чура (Шора)-батыре, у него и его ближайших знатных родственников, отмечаются 6 тыс. воинов [14, №4, б. 21]. А из русских летописей известно, что под началом Чуры Нарыкова во время похода 1540 г. находились 8 тыс. воинов, правда, они были не только из татар [14, №4, б. 21]. В итоге более достоверной выглядит число воинов Казанского ханства из клана аргын в 6 тыс. чел. Где же в таком случае основная часть этих воинов (а это, напомним, было конное войско!) находилась? Думается, что они продолжали оставаться на южных степных рубежах Казанского ханства. Недаром казахские и башкирские генеалогические и эпические материалы (см.: [14, №3, б. 24–29] связывают Чуру Нарыкова не только с кланом аргын, но и с родом тама и «тамйан/таман/төмән», нахо-

дившемся в каком-то (фратриальном?) союзе с племенем аргын, в конце концов оказавшемся в составе Среднего Жуза казахов (род тамйан был и у башкир).

Аналогично мы обнаруживаем части клана кыпчак в бассейнах рек Кинели, Самары и далее еще южнее, в составе казахов, а также башкир [12, с. 147–148; 9, с. 92]. Хотя можно было бы думать, что в данном случае мы имеем дело с кланом кыпчак, входившем в состав и Ногайской Орды – а там он точно был [37, с. 501] – допустимо и другое предположение: так как точные границы Казанского ханства в юго-восточном направлении не известны, а само появление и закрепление ногайцев в закамских районах произошло довольно поздно – не ранее конца XV – начала XVI вв. [37, с. 138], указанные представители клана кыпчак могли первоначально быть частью казанских людей. В данном случае следует принять во внимание и особый статус Ногайской Орды, без Чингизида во главе она не могла считаться полноценным юртом, что мы в источниках наблюдаем многократно. Поэтому, в определенные периоды ногайцы или их часть могли войти в сотрудничество с Казанским ханством, превратившись в вассалов казанского хана. Такие отношения хорошо просматриваются на примере, когда московский великий князь Иван III дозволил зависевшему от него казанскому хану Мухаммед-Амину жениться на дочери ногайского бия Мусы (1490 г.). Трактовка указанного политического брака со стороны Москвы была следующей: «...чтобы тебе (то есть, хану Мухаммед-Амину – Д.И.) Муса прямой слуга и друг был» [37, с. 137]. Есть и народные предания, свидетельствующие о подчиненности ногайцев казанским ханам [12, с. 150]. По ним получается, что ногайцы, похоже их часть, подчинялись казанским – мангытским князьям, что подразумевает вхождение в территорию Ногайской дороги, где были записаны такие предания. То есть эти группы находились под юрисдикцией Казанского ханства или имели двойное подчинение – ногайскому бию и казанскому хану. Именно в восточной зоне данного ареала, находившегося на северо-западе Приуралья, имелся целый ряд клановых образований, представители которых могли еще вести кочевой или полукочевой образ жизни, находясь одновременно под юрисдикциями Казанского ханства и Ногайской Орды (подробнее см.: [12]). Следовательно, проблема вхождения в состав Казанского ханства закамских ареалов, в том числе и Камско-Бельской, а также и более южных зон, требует дальнейшего исследования.

В целом, в свете рассмотренных предварительных данных существующая традиция считать татарское население Казанского ханства полностью оседлым, нуждается в пересмотре. В рассуждениях в указанном русле следует принять к сведению и ситуацию в Крымском ханстве, где лишь в середине XVI в. его хану Сахиб-Гирею удалось принудить кочевников перейти к оседлости. Согласно преданиям, он приказал поломать арбы, отвел им земли в Крыму с тем, чтобы построить дома и создать деревни [33, с. 12]. Между тем, в южных ареалах Казанского ханства также имелись прекрасные пастбища, которыми позже, как известно, активно пользовалось население Ногайской Орды.

В результате полагать, что привыкшие вести кочевой образ жизни клановые группы, придя на территорию Казанского вилайета во главе с ханом Улуг Мухаммадом, все дружно забрались внутрь государства, сразу перейдя к традиции оседлости, было бы несколько опрометчиво. Тем более, что об относительно позднем оседании золотоордынских татар Крымского юрта, как мы видели, источники достаточно красноречивы. На это следует обратить внимание в том числе и потому, что Орда Улуг Мухаммада, оказавшаяся в Казанском вилайете, была всего лишь частью крымско-большеордынских татар. Поэтому у нас есть основания полагать, что в Казанском ханстве пришедшие с Улуг Мухаммадом клановые группы в ос-

новном продолжали сохранять свои кочевые традиции, тем более, когда они после усиления Ногайской Орды оказались в орбите влияния этой политики и мангытских беков. К ним могли добавиться и такие же кочевые или полуоседлые группы, жившие на северо-западе Южного Приуралья еще до начала XV в. Правда, без дополнительного изучения всего комплекса вопросов, связанных с этой проблемой, она останется всего лишь гипотезой, хотя и фундированной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 53–70.
2. Гибадуллин И.Р. Анонимное персидское сочинение «Хикаят»: источник по истории Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719
3. Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Кн. 4. М.: Индик, 2004. С. 140–170.
4. Дәфтәре Чыңгыз-намә. Казан: “Иман” нәшрияты, 2000. 44 б.
5. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 1051 с.
6. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.
7. Исхаков Д.М. Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2009. № 2. С. 133–138.
8. Исхаков Д.М. Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 141–148.
9. Исхаков Д.М. История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. 116 с.
10. Исхаков Д.М. Князья казанские, князья болгарские // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2005. № 2 (41). С. 161–171.
11. Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) вилайете в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.
12. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
13. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
14. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарихыбыз. Өченче язма: “Чура батыр” дастаны һәм “Киләчәк буыннарны кисәтү” // Туган жир. Родной край. 2019. №3. Б. 12–38; №4. Б. 13–33.
15. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих (“Түләк һәм Сусылу”, “Ак Күбәк”, “Идегэй”, “Чура батыр” дастаннарына һәм тарихи риваятьләргә анализ): Монография. Казан: ООО “Грумант” / Туган жир. Родной край. 2022. II. Специальный номер. С. 10–170.
16. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

17. Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.
18. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исслед., критического текста, перевода с тюрки, словаря. Р.Алимов; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
19. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. I: Транскр., факсимиле. / Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» Вып. 1 / Транскр. Дерья Дерин Пашоглу; отв.ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш.Мароджани АН РТ, 2014. 420 с.; Кн. 2. Перевод. Вып. 2 / Перевод с османского А.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисл. и коммент. И.М. Миргалеева. Казань: Инт-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
20. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 92 с.
21. Приселков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002. 512 с.
22. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
23. ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.; Т. XII. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.; Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 454 с.
24. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
25. ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
26. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
27. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
28. ПСРЛ. Т. XXVII. Никоноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
29. Русские летописи. Т. 4. Львовская летопись. Рязань, 1999. 714 с.
30. Сабитов Ж.М. Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «Яз», 2011. С. 63–69.
31. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордою и с Турцией: с 1474 по 1505 г. Эпоха свержения монгольского ига в России. Т. I. СПб., 1884. 558 с.
32. Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордою и с Турцией. 1508–1521. Т. II. / Под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана. СПб., 1895. 706 с.
33. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского университета. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 3–71.
34. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV – XVI веков. М.: Наука, 1973. С. 84–90.
35. Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611
36. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
37. Тюменское и Сибирское ханства. Коллективная монография. Казань: Изд. Казан. ун-та, 2018. 560 с.
38. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на русс. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая

и научная ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

39. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Вып. I. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 272–291.

40. Эрдман П.В. О надгробных надписях в Болгарах (1342–1358) // Заволжский муравей: ч. III. Кн. 23. 1832. С. 1342–1363.

41. Bregel Yuri. Tribal Tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrats according to Munis // Asian and African Studies. 16. 1982, pp. 357–398.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (420132, ул. Маршала Чуйкова, 67А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила 23.08.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Bepalov R.A. Khan Ulu-Muhammad and the states of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445). *Golden Horde Civilization*. Coll. of articles. Iss. 5. Kazan: OOO «Foliant»; Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 53–70. (In Russian)
2. Gibadullin I.R. An Anonymous Persian Work – “Hikayat”: A Source on the History of the Volga-Ural Region. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719 (In Russian)
3. Gorskiy A.A. The fate of the Nizhny Novgorod and Suzdal principalities in the late 14th – mid-15th centuries. *Medieval Rus'*. Book. 4. Moscow: Indrik, 2004, pp. 140–170. (In Russian)
4. Daftere Chingiz-name. Kazan: “Iman” nāshriyaty, 2000. 44 p. (In Tatar)
5. History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – mid 15th century. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1051 p. (In Russian)
6. Iskhakov D.M. Arsk princes and Nukrat Tatars (Historical and ethnographic information, genealogies, clan affiliation, place in the socio-political structure of the Kazan Khanate and the Russian state). Kazan: Fen Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
7. Iskhakov D.M. Bulgar vilayat on the eve of the formation of the Kazan Khanate: a new look on the well-known problems. *Gasyrlar avazy=Echo of the Centuries*. 2009, no. 2. pp. 133–138. (In Russian)
8. Iskhakov D.M. Demographic Situation in the Tatar Khanates of the Volga Region. The Kazan Khanate: Current Research Issues. Kazan, 2002, pp. 141–148. (In Russian)
9. Iskhakov D.M. History of the Yaushev Family in the Medieval Period and the Kimek Problem. Voronezh: OOO «Favorit», 2018. 116 p. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. Kazan Princes, Bulgar Princes. *Gasyrlar avazy=Echo of the Centuries*. 2005, no. 2 (41), pp. 161–171. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. Between Bulgar and Kazan: Ethnopolitical Processes in the Bulgar (Kazan) Vilayet in the 60s–70s of the 14th – 40s of the 15th centuries. Kazan: Fen Publ., 2013. 68 p. (In Russian)

12. Iskhakov D.M. From Medieval Tatars to Tatars of the New Time (Ethnological View of the History of the Volga-Ural Tatars of the 15–17th centuries). Scientific Edition. Kazan: Master-Layn, 1998. 276 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M. Turkic-Tatar States of the 15th–16th centuries. Kazan: Tatar. Book publ., 2009. 142 p. (In Russian)
14. Iskhakov D.M. Our People's Epic Works. Third Essay: "Chura Batyr" Epic and "Analysis of Kilachek Buynnar Stories". *Tugan jir=Native Land*. 2019. №3, pp. 12–38; №4, pp. 13–33. (In Tatar)
15. Iskhakov D.M. Our People's Epic Works ("Tulak and Susylu," "Ak Kubeck," "Idegey," "Chura Batyr" Epics and Analyzing Historical Narratives). A monograph. Kazan: OOO "Grumant" / *Tugan jir=Native Land*. 2022. II. Special issue, pp. 10–170. (In Tatar)
16. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. Ethnopolitical History of the Tatars (3rd – Mid-16th Century). Kazan: RITs «Shkola», 2007. 356 p. (In Russian)
17. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. About the Shibaniid "Trace" in the Bulgar Vilayet of the Ulus of Jochi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
18. Kadyr Ali-bek. Jami at-Tavarikh. Facsimile of the Manuscript / Author of the edition of the text, research, critical text, translation from Turkish, dictionary R. Alimov; under the scientific editorship of I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 544 p. (In Russian)
19. Kyrymi Abdulgaffar. Umdat al-Ahbar. Book I: Transcription, facsimile. / Series "Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage" Iss. 1 / Transcription by Deria Derin Pashoglu; responsible editor I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. 420 p.; Book 2. Translation. Iss. 2 / Translation from Ottoman by A.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific editing, preface, and commentary by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. 200 p. (In Russian)
20. Ambassadorial Book on Relations of Russia with the Nogai Horde. Moscow: Institute of the Russian History of RAN, 2003. 92 p. (In Russian)
21. Priselkov M.D. Troitskaya Chronicle: Text Reconstruction. 2-e izd. St. Petersburg: Nauka, 2002. 512 p. (In Russian)
22. Complete Collection of Russian Chronicles Vol. VI. Iss. 2. Sofia Second Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. 240 p. (In Russian)
23. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XI. Chronicle Collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 264 p.; Vol. XII. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 272 p.; Vol. XIII. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 454 p. (In Russian)
24. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XV. Rogozh chronicle. Tver Collection. Moscow: Languages of Russian Culture. 2000. 432 p. (In Russian)
25. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIX. History of the Kazan Kingdom (Kazan Chronicle). Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 328 p. (In Russian)
26. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIV. Typographic Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 288 p. (In Russian)
27. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. Moscow Chronicle Compilation of the Late 15th Century. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 488 p. (In Russian)
28. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXVII. Nikanor Chronicle. Abridged Chronicle Compilations of the Late 15th Century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 418 p. (In Russian)
29. Russian Chronicles. Vol. 4. L'vov Chronicle. Ryazan, 1999. 714 p. (In Russian)
30. Sabitov Zh.M. Bashkir Khans Bachman and Tura. Siberian Collection. Kazan: Yaz Publ., 2011, pp. 63–69. (In Russian)

31. Collection of the Russian Historical Society. Vol. 41. Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and with Turkey: from 1474 to 1505. The Era of the Overthrow of the Mongol Yoke in Russia. Vol. I. St. Petersburg, 1884. 558 p. (In Russian)
32. Collection of the Russian Historical Society. Vol. 95. Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and with Turkey. 1508–1521. Vol. II. Ed. by G.F. Karpov and G.F. Shtendman. St. Petersburg, 1895. 706 p. (In Russian)
33. Syroechkovskiy V.E. Muhammad-Geray and His Vassals. *Scientific Notes of Moscow University*, Issue 61. History, vol. 2. 1940, pp. 3–71. (In Russian)
34. Tikhomirov M.N. Besermen in Russian Sources. Tikhomirov M.N. Russian State in the 15th – 16th Centuries. Moscow: Nauka, 1973. p. 84–90. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. The “Father’s Sons”: The Elite of the Kazan Khanate in the Lithuanian Metrica. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611 (In Russian)
36. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Oriental Literature Publ., 2002. 752 p. (In Russian)
37. Tyumen and Siberian Khanates. Collective Monograph. Kazan: Kazan State University Publ., 2018. 560 p. (In Russian)
38. Utemish-Hadji. Qara Tawarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizova; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 312 p. (In Russian)
39. Chernyshev E.I. Settlements of the Kazan Khanate (According to Scribe Books). Issues of Ethnogenesis of Turkic-Speaking Peoples of the Middle Volga Region. Vol. I. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History Publ., 1971, pp. 272–291. (In Russian)
40. Erdman P.V. On Tombstone Inscriptions in Bolghar (1342–1358). *Zavolzhskiy muravey*: Part. III. Book. 23. 1832, pp. 1342–1363. (In Russian)
41. Bregel Yuri. Tribal Tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrats according to Munis. *Asian and African Studies*. 16. 1982, pp. 357–398.

About the authors: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Editor in Chief of the Journal “Tugan Jir. Native Land” (67A, Marshal Chuikov Str., Kazan 420132, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received August 23, 2023

Accepted for publication November 30, 2023

Published December 29, 2023